

КОНКРЕТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.В. Верховцев

СИСТЕМА ТЕРМИНОВ РОДСТВА ИЖОРЫ

Введение

Системы родства (СР) и системы терминов родства (СТР) — классическая этнографическая тема, некогда бывшая одной из главных в арсенале антропологов, начиная с Л.Г. Моргана, ныне находится в относительном небрежении, что, однако, не умаляет ее непреходящей важности для этнографической науки. Выражая общепринятое в научном сообществе мнение, В.А. Попов пишет, что «родство является структурообразующим принципом организации традиционных и неотрадиционных обществ и поэтому, не разобравшись со спецификой родственных отношений, нельзя понять механизмы их функционирования и развития» [Попов 2011: 91]. Именно поэтому мы обращаемся к исследованию родственной организации ижоры в этнографическое время, которая может стать источником информации по социальной истории этого народа, а также выступить сравнительным материалом при изучении родства прибалтийско-финских (ПФ) народов, дополнить и уточнить реконструкции протоуральской СТР.

Фактически задачей настоящей работы является научное описание СТР ижоры как с целью ее включения в корпус источников по сравнительным исследованиям родства, так и формулирования проблемных вопросов для дальнейшего более глубокого изучения феномена родства у ижоры и других ПФ народов.

Прежде чем приступить непосредственно к исследованию, необходимо сделать обзор работ по СР финно-угорских народов, к которым относится ижора.

Исследование финно-угорских систем родства

Первым исследователем финно-угорских СР был первооткрыватель самого явления системы родственных отношений Л.Г. Морган. В своем основополагающем для антропологии

родства труде «Системы родства и свойства человеческой семьи» он проанализировал некоторые ТР трех финно-угорских языков — венгерского, эстонского и финского; в таблицах ТР, представленных в книге, они помещены под номерами 37, 38 и 39 соответственно [Morgan 1871: 59–65]. Неизвестно, были ли в этом вина информантов, корреспондентов или самого Моргана, но в таблицах встречаются многочисленные ошибки, которые затрудняют их использование в качестве источника: например, все финские ТР, включающие заглавную латинскую букву “I”, написаны с заменой этой буквы на заглавное “T”; применялись знаки, отличные от знаков финского литературного языка (ĩ, ä), встречались чисто орфографические неточности (*vaino* вместо *vaimo* ‘жена’ [Там же: 89]) и т.д. Но в то же время эти записи имеют ценность как достаточно ранний источник сведений о ТР, и при соответствующей критике может дать важную и даже уникальную информацию.

Как и многие вопросы антропологии родства, затронутые Л.Г. Морганом, тема изучения финно-угорских номенклатур родства получила развитие не сразу. В 1928 г. вышла работа советского этнографа М.В. Маркелова «Система родства у угро-финских народностей», в которой он провел широкое сравнение ТР некоторых финно-угорских народов. Интерес к обобщениям такого рода проявлял и финский этнограф У. Харва [Harva 1938; 1947].

Если говорить об исследованиях номенклатур родства в финно-угорских языках, то здесь существует относительно большое количество работ на русском языке. Во второй половине XX в. этой темой занимались Ф.В. Плесовский [1960], А.С. Сидоров [1952], Т.И. Тепляшина [1969; 1977]. Работы К.И. Вавры по угорским ТР, обобщенные в ее кандидатской диссертации [1970], ценны методологическими разработками применения компонентного анализа. Из новых работ можно назвать кандидатскую диссертацию В.П. Гришуниной «Термины родства и свойства в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках» [2002], где была собрана вся номенклатура родства указанных языков. Однако методы систематики и анализа в работе были исключительно лингвистическими, и экстралингвистическими вопросами автор не задавалась. Более широко рассмотрены ТР финно-угорских народов волжской и пермской групп в диссертации Е.М. Андриановой [2000].

Значительный интерес к тематике ТР в ПФ языках проявлял финский лингвист Рубен Эрик Нирви. В 1950 г. он выпустил

первую работу на эту тему, посвященную финскому наименованию кузенов под названием “Serkkku” [Nirvi 1950]. Его исследования ТР были продолжены работой [Nirvi 1952], где рассматривались варианты синонимов ТР в ПФ языках и роль в сложении некоторых терминов традиции табуирования ТР. Обширное исследование Р.Э. Нирви «Слово и поведение: лингвоисторическое исследование», вышедшее двумя частями [Nirvi 1956; 1964], включало анализ соответствия языковой и культурной реальности у ПФ народов в исторической ретроспективе и затрагивало лингвистические категории, связанные с родством. Фактически работы Р.Э. Нирви являются основополагающими в изучении родства у ПФ народов.

В Советском Союзе ПФ ТР занимался Э. Вяари, обобщая материалы в основном по хорошо изученным на тот момент эстонскому и финскому языкам и пытаясь реконструировать древнюю социальную организацию прибалтийских финнов [Вяари 1953; Vääri 1956]. Отдельные работы выходили по ТР других ПФ языков — вепского [Зайцева 1975] и карельского [Никольская 1980], однако они не получили дальнейшего развития.

Одним из интереснейших направлений, получивших развитие во второй половине XX в., стало изучение ПФ ТР в причитаниях, широко распространенных у русских и православных финно-угорских народов. К.В. Чистовым на русском материале впервые было описано явление «метафорических замен ТР» в причитаниях [Чистов 1960], которое впоследствии было изучено и на ПФ (в основном карельском) материале А.С. Степановой; также вопросами метафорических замен ТР занимались У.С. Конкка и Э. Киуру. Именно статья последнего о некоторых ТР в ижорских плачах [Киуру 1975] стала первой и единственной работой, целиком посвященной ижорским ТР. На ней мы остановимся подробнее.

ПФ специфика метафорических замен ТР в причитаниях заключается в замене нежелательного для произнесения термина отглагольным существительным, обозначающим действие, характерное для этого человека, например вместо слова «мать» говорят «выносившая», «выкормившая» и т.д. (тогда как в русской традиции замены носят конкретно-метафорический характер: муж — «надежная головушка», «стена городовая» и т.д.) [Чистов 2005: 197]. Этими чертами обладает и ижорская причеть, однако Э. Киуру обнаружил, что, помимо правила за-

мен отглагольными существительными, оплакиваемый человек обычно определяется так же, как сын какой-либо женщины, причем если речь идет об отце плакальщицы, то как «сын бабушки», если о муже, то как «сын свекрови» (*ämmöin akki-maiseen* — свекровью взлелеянный), «сын старшей»; если о человеке, не являющемся родственником, — «сын женщины» (*naisen imeteltyiseen* — женщиной вскормленный). Он же обратил внимание на то, что свекровь и бабушка обозначаются одним и тем же ТР. Эти особенности и привлекали внимание карельского исследователя: по его мнению, отражение в похоронной причети исключительно родства по прямой женской восходящей линии, «несомненно, говорит о весьма архаичном счете родства» [Киуру 1975: 106]. Исключением из правила избегания ТР является также упоминание в плаче отца в составе метафорической замены *isoi linnoiseni* ‘отец-крепость’. Отсутствие избегания ТР *isoi* и *ämmöi*, по мнению Э. Киуру, объясняются вхождением их в состав метафорических замен в то время, когда они не имели современной семантики, а означали уважительное обращение к старшему мужчине и старшей женщине соответственно. К сожалению, это представление основывалось на устаревших для этнографии социологизаторских марксистских схемах развития семьи от промискуитета к групповому браку (именно на этой стадии предполагается вхождение изучаемых терминов в причеть), далее к браку парному и т.д. Более того, объяснение исследователем первоначального значения термина *ämmöi* как «предводительница родового коллектива» [Там же: 108] (в представлении марксистской этнографии о так называемом «матриархате») являлось устаревшим даже на момент публикации статьи в журнале «Советская этнография». Впрочем, отдав дань социологизаторским построениям, Э. Киуру в форме отрицания сам же дает в конце статьи более правдоподобное объяснение особенностей ижорских метафорических замен ТР, объясняя апелляции к ранним годам оплакиваемого, взаимоотношениям матери и ребенка и наиболее легко возбудимым чувствам человека спецификой причитаний как сугубо «женского жанра» [Там же: 109].

Завершая обзор темы ТР в причитаниях, отметим, что традиционный аспект рассмотрения этого явления в советской и российской фольклористике и этнографии (замена ТР метафорической конструкцией) не единственно возможный. Г.В. Дзибель, рассматривая так называемый аффективный падеж (особые ТР

для обозначения умерших родственников), приводит примеры из СТР различных народов, по сути идентичные по структуре «метафорическим заменам ТР». Например, у тимуква (индейцы Флориды) *isa* Рж, *iquine* ‘та, кто давала мне молоко’, Рж после смерти; *iti* Рм, *siquinona* ‘тот, кто породил меня’, Рм после смерти и т.д. — прямая аналогия метафорических замен. При этом такого рода «аффективные термины», согласно приводимым этнографическим примерам, часто употреблялись только в рамках похоронных ритуалов, а в обычной жизни существовали табу [Дзибель 2001: 161–162]. В свете вышесказанного иной подход к явлению «метафорических замен» в ПФ плачах состоит в рассмотрении их не как замены ТР, в как собственно ТР в аффективном падеже, употребляемых в особых, обрядовых обстоятельствах. Для проверки этой гипотезы необходимы, безусловно, широкие этнолингвистические исследования.

Некоторые ТР из ПФ языков собраны в электронной базе Г.В. Дзибеля, где отмечались лишь те термины, которые принимались автором за диагностические для определения стадии эволюции СТР. В частности, имеется отметка об отсутствии в ПФ СТР взаимной (реципрокной) ТР, отсутствии поколенных скосов и даны термины для сиблингов (что необходимо для определения степени дифференциации сиблинговой терминологии). Среди ПФ ТР есть данные и по ижоре (англ. *ingrian*), со ссылкой на материалы А.Г. Новожилова 1994 г. приводятся ТР “*veiko* В, *sišo* Z” [Kinship studies], однако, судя по полевым материалам указанного автора, опубликованным и проанализированным в статье [Новожилов и др. 2005], в базе, вероятнее всего, имеет место ошибка в этнониме, и указанные ТР относятся не к ижоре, а к ингерманландским финнам (англ. *ingrian finns*).

Отметим специфическое направление изучения номенклатур родства — широко распространенные ныне исследования по реконструкции прото-СТР. Наибольшие успехи в такого рода реконструкциях достигнуты в воссоздании протоиндоевропейской СТР, протодравидийской, манде и др., однако этого нельзя сказать об уральском материале. Некоторые ТР протоуральской СТР реконструировали А. Алквист [1875], Б. Коллиндер [1977] и Я. Гулья [1983]. Глоссарий уральской лексики, содержащей в том числе и ТР, содержит труд П. Саммалахти по уральской фонологии [1988]. Наиболее полным с точки зрения охвата лексики является уральский этимологический словарь, изданный коллективом авторов в трех томах в Висбадене. Но все эти рабо-

ты не ставили задачей воссоздание именно СТР протоуральцев и ограничивались лишь нахождением ряда этимологий.

Перспективным, также близким к лингвистике направлением является изучение ТР в топонимике, выразившимся в работе финской исследовательницы Кайи Маллат «Женщина на границе: термины *Kyöpelі, Nainen, Naara(s), Neitsyt, Morsian, Akka* и *Ämmä* в финских топонимах» [Mallat 2007].

Этногенетическое значение СТР

Т.к. одной из актуальных проблем исследования ижоры является вопрос этногенеза этой народности, рассмотрим возможное значение нашей работы для ее разрешения.

Достаточно редкое использование СТР в качестве этногенетических аргументов отнюдь не свидетельствует о неразработанности проблемы выявления взаимосвязи данных тематик или их полной несовместимости в рамках одного исследования. Ведь само открытие феномена систем родства Г.Л. Морганом было результатом попытки решения этногенетических вопросов. И хотя гипотеза Моргана о большей консервативности СР по сравнению с терминологией не подтвердилась и его последователи сосредоточились на других аспектах изучения СР и СТР, тем не менее в дальнейшем вопрос соотношения эволюции СТР с этническими процессами получил свое развитие, при этом исследователями были учтены методологические просчеты родоначальника науки о родстве. В частности, такие исследователи феномена родства, как Р. Лоуи, М.А. Членов, М.В. Крюков, Дж. Мердок, Н.М. Гиренко, выделяли различные аспекты связи этнических процессов и СТР. Эти исследования позволили достичь ощутимых результатов в области этногенеза полинезийских, тюркских, североамериканских этносов.

Особое значение тема этногенеза получила в работах Г.В. Дзибеля, который рассматривает каждую конкретную СТР генетически восходящей к прото-СТР *Homo sapiens*, названной исследователем кроссреспублично-орторегиональным типом (КРОРТ), характеризующейся максимальным количеством реципрокных терминов и максимальной дифференцированностью сиблинговой терминологии. По мнению антрополога, «при использовании СТР в качестве этногенетического источника следует прежде всего определять степень и характер трансформированности конкретной системы по сравнению с эталонной видовой протосистемой, и, соответственно, сход-

ство между различными системами является фактором их принадлежности к определенному типу трансформации видového архетипа» [Дзибель 2001: 318].

Терминология родства ижоры

Источники

Утверждение, что сбор ТР наиболее предпочтительно производить путем анализа записей живой речи информантов, т.к. прямой опрос и глоссарии не позволяют достоверно реконструировать СТР, является расхожим мнением среди исследователей. Безусловно, ТР, записанные методом наблюдения и откомментированные самим информантом, позволили бы собрать наиболее точные сведения о СТР ижоры. Однако сокращающаяся численность ижор и, что особенно важно, носителей ижорского языка оставляет все меньше возможностей для проведения такой записи. К тому же опыт собирания ТР у других ПФ народов региона показал все увеличивающееся количество русских заимствований в этой лексической группе, что снижает ценность полевых данных для исторических реконструкций. Эта ситуация заставляет обратиться к письменным источникам, содержащим ижорские ТР.

Записи ижорских текстов (в основном фольклора) проводились уже с середины XIX в., и первым изданием, в которое был помещен небольшой словарь ижорской лексики (содержащий и ТР), стала работа Волмари Поркка [Porikka 1885]. Дополнительная ценность этой работы заключается в помещении в один ряд с ижорскими ТР и ТР диалектов соседних ПФ языков. В дальнейшем сбором ижорской лексики занималось большое количество языковедов, среди которых можно назвать Л. Кеттунена, П. Аристе, А. Лаанеста; в 1971 г. вышел первый и пока единственный полноценный «Словарь ижорских диалектов» Р.Э. Нирви [Nirvi 1971]. Помимо собственного материала Р.Э. Нирви, словарь также включает всю собранную более ранними исследователями ижорскую лексику из всех четырех изученных ижорских диалектов, как правило, с указанием места сбора языкового материала. Уникальность данного издания определила его выбор в качестве основного источника для составления перечня ижорских ТР, однако, как было сказано выше, изучение СТР при помощи словарей не может дать достаточно точные и исчерпывающие результаты.

Например, важной проблемой является сопоставимость слов ижорского языка и финских слов, которые даны в качестве перевода. Так, в качестве одного из значений ижор. *ätmä* дается финский ТР *apoppi* ‘РжС’ (тёща, свекровь), однако приведенные примеры словоупотребления и переводы из других словарей позволяют усомниться в таком однозначном толковании во всех ижорских диалектных ареалах. Вероятно, ТР *ätmä* достаточно часто имеет более узкое значение (РжСж ‘тёща’ или РжСм ‘свекровь’), однако данные словаря не позволяют точно определить границы такого словоупотребления. Более крупную лакуну в описании СТР определяет отсутствие в словаре кумулятивных¹ ТР. Создается обманчивое впечатление, что у ижор не было обозначений для ниблингов и троюродных сиблингов, а терминология для обозначения кузенов была распространена слабо. Впрочем, эта проблема будет рассмотрена более подробно.

Сделаем небольшое замечание о терминологии, которой мы пользуемся. Само понятие ТР, с точки зрения лингвистов, несколько уже, чем это принято понимать в этнографической литературе, т.е. это лишь слова, кодифицирующие некую лексико-семантическую систему, ориентированную на идеал, но не всегда ему соответствующую; как правило, в центре внимания исследователя — более широкая лексическая группа — имена родства, включающая, кроме ТР, также «детские» наименования родственников, описательные конструкции, устойчивые словосочетания, безошибочно узнаваемые носителями языка, и др. [Добронравин 1998: 42–44]. Безусловно, такая иерархия лексических групп, относящихся к понятию родства, полезна и в некоторых случаях необходима, однако в теме нашего исследования скорее усложнит научное описание СТР ижоры, поэтому мы будем применять понятие ТР ко всем перечисленным группам слов.

Термины родства

ТР, обнаруженные в «Словаре ижорских диалектов», помещены в табл. 1 с шестью столбцами. В первом столбце дается универсальное обозначение «кодом Левина», в котором Р означает «родитель», Д — «дитя», С — «супруг», Э — «эго», «м» и «ж» — половую принадлежность². Второй столбец содержит описание и/или русский аналог ТР, что позволяет быстрее ориентироваться в ижорских ТР; однако стоит помнить, что, как

уже было сказано, ТР одного языка не всегда могут быть адекватно описаны в ТР языка другого. Наконец, четыре последних столбца представляют собой собственно ТР ижоры, известные из диалектов ижорского языка: сойкинского, нижнелужского, хэвасского и оредежского. Термины даются в упрощенной записи, без обозначения долготы фонем и других фонетических знаков; в случае, если форма взята из фольклорных источников, перед ней ставится обозначение «г:».

Таблица 1

Термины родства ижоры

Кодовое обозначение	Описание	Ижорские диалекты			
		Сойкинский	Нижнелужский	Хэвасский	Оредежский
Рж	Мать	emä emoi r: emmohud mamoï	emä	emä	emä emo
Рм	Отец	ätti izä r: izoi dädä tatta	tatta isä	tatta izä	ätti izä
Р	Родители	vanhemmad	vanhemmad		
См	Муж	mez	mies	mes	mees
Сж	Жена	nain naizikko	nain		nain
Дм	Сын	poiga	poiga		poiga
Дж	Дочь	tüär	tütär	tüär	tüär
РжР	Бабушка	ämmö ämmä akka paba	akka ämmä	akka ämmä	akka
РжРж	Мать матери		baba		
РжРм	Мать отца		ämmä	izän mamma	
РмР	Дедушка	äijä	äijä		
РмРм	Отец отца		äijänäijä		
РмРж	Отец матери				
ДД	Внук (внучка)	vunukka	vunukka		vunukka
ДжР	Сестра	siar sizoi zizi siso sizar r: siaruD r: siarut -suo	siso siso sizar -suo	siar sisoi	siar
ДмР	Брат	velloi vello veiko	vello	velloi	
ДжДРР	Двоюродная сестра	seukkoi			
ДмДРР	Двоюродный брат	seukkoi			

ДжДжРР	Двоюродная сестра (дочь тёти)	seukkoi			
ДжДмРР	Двоюродная сестра (дочь дяди)	seukkoi			
ДмДжРР	Двоюродный брат (сын тёти)	seukkoi			
ДмДмРР	Двоюродный брат (сын дяди)	seukkoi; tädäm poiga			
ДжРР	Тётя	tädi täti	täti		
ДжРмР	Сестра отца				
ДжРжР	Сестра матери	tädi dotta			
ДмРР	Дядя				dädä
ДмРмР	Дядя по отцу	tädä	sedä setä		
ДмРжР	Дядя по матери	enoi	enoa		
ДмДжР	Племянник по сестре	siarel laps			
ДмДмР	Племянник по брату				
ДжДжР	Племянница по сестре	siaren laps			
ДжДмР	Племянница по брату				
ДмДДРРР	Троюродный брат		toise polve seukot		
ДжДДРРР	Троюродная сестра		toise polve seukot		
СмДжР	Муж сестры (зять)	vävü	r: lankoin		
СДм	Муж дочери (зять)	vävü kotivävü	vävü		
СДж	Жена сына (невестка)	minja minni			
ДмРСм	Брат мужа (деверь)	küdü kütü	kütü		
ДмРСж	Брат жены (шурин)	nälä nälämez küdü	nälämez kütü		
СмДжРСж	Муж сестры жены (своjak)	svojakka svojoi	svojakka		
СжДмР	Жена брата (невестка)	minni kälü kälüd	kälü		
ДжРСм	Сестра мужа (золовка)	nado	nado		
ДжРСж	Сестра жены (свояченица)	nado	nado		

РжСж	Мать жены (тёща)	ämmä	ämmä	ämmoi	
РмСж	Отец жены (тесть)	äijä	äijä	äijä	
РжСм	Мать мужа (свекровь)	ämmä	ämmä	ämmä	
РмСм	Отец мужа (свёкор)	äijä	äijä	äijä	
РжРмСм	Мать отца мужа	vanha ämmä			
СдмРРм	Жена дяди по отцу	minni dädi			
СдмРРж	Жена дяди по матери	minni			
СмДжРР	Муж тёти				dädä
	Невеста	morsia morssia nuorikko prihoi naissulho	norikke nuorikko	morsia	
	Жених	senoi senihka naikkimez naikkipoiga	zeniha		
РСД	Родители мужа и жены между собой (сваты)	lankot			
РмСД	Отец жениха и отец невесты между собой	svatta			
	Родственники зятя	langod	lankoja		

Итак, выявив собственно материал исследования, перейдем к его анализу. В следующем разделе мы рассмотрим отдельные подсистемы и категории родства СТР ижоры, причем в первую очередь те подсистемы, которые важны с типологической или этноисторической точки зрения или имеют специфически-ижорские черты, не встречаемые на материале других ПФ СТР.

Основные черты ижорской СТР

У ижоры основные ТР, отражающие состав нуклеарной семьи (родители и дети), совпадают с аналогичными терминами у других ПФ народов, поэтому мы не будем подробно на них останавливаться. Отметим лишь, что в сойкинском диалектном ареале наблюдается наибольшее разнообразие терминов для породителя (*ätti, izä, dädä, tatta, r: izoi*), но ни один не является специфичным только для ижорского языка. Наименование для 'Рж' етә этимологически восходит к уральской общности, воз-

можно и к урало-юкагирской, с сохранением значения [The Tower]. Столь же древние корни у ТР *izä* 'Рм', восходящего к уральскому прототипу **ičä* 'father' (Рм) [Там же], чего нельзя сказать о синониме *tatta*, отсутствующем в словарях уральской лексики. Возможно, этот термин — заимствование, такое же как и *tüär* (*tütär*), возводимое как к балтийскому [Junttila 2011] прототипу, так и к иранскому [Raun 1982]. Наименование же Дм *poiga* имеет как минимум финно-угорскую этимологию (**pojka*) со значением 'сын, мальчик' [The Tower].

Другие подсистемы и классы СТР ижоры мы рассмотрим более подробно.

Типологическая характеристика СТР ижоры (сиблинги родителей)

Для типологического описания СТР наиболее важными являются ТР +1 и 0 поколений. Особенности их группировки абсолютное большинство исследователей использовало как основу для характеристики типов СТР. Т.к. точное описание ТР для сиблингов (т. е. 0 п.) на наших источниках невозможно, в типологическом описании мы будем руководствоваться ТР для +1 п.; в качестве основной типологической терминологии будет принята терминология В.А. Попова, базирующаяся на понятиях бифуркации — разграничении родственников по материнской и отцовской линиям — и линейности — разграничении родственников по прямой и боковой линиям. В соответствии с наличием или отсутствием этих явлений предлагается делить СТР на 4 типа: бифуркативный, бифуркативно-линейный, линейный и генерационный (поколенный) [Попов 1977: 43–45]. В этой связи условимся, что далее в работе определения «бифуркативный», «бифуркативно-линейный», «линейный» в отношении СТР будут означать отнесение системы или ее частей к означенным типам, а определения «(не)бифуркативный» и «(не)линейный» в отношении ТР будут означать наличие у термина характеристики бифуркации и линейности соответственно.

В ижорском языке используются два бифуркативных термина для обозначения мужского сиблинга родителей: *enoi* — мужской сиблинг породительницы и *sedä* — мужской сиблинг родителя. Также употребляются заимствования из русского *tädä* для мужского сиблинга родителя (сойкинский диалект) и *dädä* (ореджежский диалект) в качестве общего обозначения мужского сиблинга родителя. Женские же сиблинги родителей

в основном не различаются по стороне родства и имеют один термин — *tädi*, хотя упоминается и более узкое значение ‘женский сиблинг породительницы’. Также в сойкинском ареале известно русское заимствование *dotta* (<тётя) для обозначения женского сиблинга породительницы.

Как видно из табл. 1 ТР, в словаре Р.Э. Нирви приводятся достаточно скудные сведения о распространении ТР для сиблингов породителей в диалектных ареалах, примеры словоупотребления также весьма немногочисленны. Учитывая значимость этой группы родственников для эго почти в любом обществе, можно предположить, что представленные ТР не являются единственными обозначениями коллатеральных родственников первого восходящего поколения, а дополняются кумулятивными ТР, которые в словарь не вошли. Наше предположение подкрепляется фактом использования кумулятивной терминологии для сиблингов родителей в западной диалектной зоне эстонского языка, в некоторых же других зонах она употребляется параллельно с элементарными терминами [Koski 1990: 242]. В словаре ливского языка А.И. Шегрена мы и вовсе находим исключительно кумулятивные термины: *iza sozar* (ДжРРМ), *iza vell* (ДмРРМ), *jema sozar* (ДжРРЖ), *jema vell* (ДмРРЖ) [Sjogren 1861: 292, 335]. Однако подтвердить или опровергнуть нашу гипотезу можно, лишь привлекая дополнительные письменные, в первую очередь полевые этнографические источники.

Рассматривая этимологические связи указанных терминов, нужно отметить, что термин *epo* в различных вариациях относительно широко распространен в ПФ языках (эстонский, финский, саамский), однако неизвестен в вепском и карельском [СОС 2007], где бифуркативность в обозначении сиблингов родителей, скорее всего, была утрачена вследствие заимствования термина для мужского сиблинга родителя из русского языка вместе с системными особенностями русской СТР. В ПФ-саамских языках термин известен в основном в значении ДмРРЖ, причем для ПФ языков только в этом значении, что позволяет предположить время распространения такой семантики непосредственно перед отделением саамских языков от ПФ. Однако движения от ПФ ветви по разветвленному дереву уральских языков к его корню дает и другие значения, причем за пределами ПФ-саамской общности — исключительно другие; лишь в коми-зырянском существует похожий термин

un-aj ‘*Oheim, älterer Bruder des Vaters*’ (‘дядя, старший брат отца’). Размывание семантики начинается уже в саамских языках: там, помимо узкого значения, встречается и расширенное *ãnoi, ädnu* ‘*jüngerer oder älterer Bruder od. Vetter der Mutter*’ (‘старший или младший брат или двоюродный брат матери’). Интересно, что ни в других финно-волжских языках, ни в угорских аналогов этого ТР не встречается, зато находятся параллели в языках самодийских: например, нен. *ñiñeka* ‘*älterer Bruder, jüngerer Bruder des Vaters*’ (‘старший брат, младший брат отца’), селькуп. *innë, innɔ* ‘*älterer Bruder*’ (‘старший брат’) и пр. При этом почти во всех уральских языках сохранилась лексема, восходящая к протоуральскому *enä ‘много, большой’, иногда (хант. *enə* ‘*dick; groß; älterer, ältester*’) принимающая дополнительное значение ‘старший’. Вероятно, с этой древнейшей этимологией и стоит связывать возникновение термина.

ТР *sedä* также встречается в финском и саамском и не обнаруживается в материалах по вепсскому и карельскому языкам по выше означенным причинам. В эстонском же для обозначения мужского сиблинга породителя используется собственный термин *lell* [Koski 1990: 242]. О прошлом бытовании ТР *sedä* в карельском мы можем судить по его наличию в восточнофинских (карельских) диалектах финского языка, где он означал мужского сиблинга родителей без различия стороны родства [Idid.: 244]. Несмотря на отсутствие слова во многих ПФ языках, его этимологические корни прослеживаются, по данным UEW, вплоть до протоуральского *čečä со значением «мужской сиблинг породителя или породительницы», что свидетельствует о древности линейных черт в обозначении сиблингов родителей. Термин *tädi* наиболее распространен в ПФ языках и сохраняется в СТР даже при ее значительной русификации. Почти везде он имеет аналогичную нераздваивающую (небифуркативную) семантику, лишь в диалектах эстонского (и у сету) сужаясь до обозначения женского сиблинга породительницы (женский же сиблинг породителя в этом случае обозначается ТР *sõtse, sõse*). Интересно, что последний термин обладает неодинаковой семантикой в диалектах эстонского языка: лишь на северо-востоке, в р-не Нарвы (*sõts*), он имеет значение ДжРРМ (сестра отца), в р-не же Тарту (южноэстонский диалектный ареал) — ДжР (сестра) [VM 1989]. Основное обозначение для женского сиблинга, вошедшее в литературный эстонский, — *õde*, также в некоторых диалектах имеет значение ДжРРМ.

Итак, анализ словарных ТР для сиблингов родителей показывает, что они в принципе достаточно типичны для ПФ СТР. Ижорская СТР при именовании мужских сиблингов родителей отражает черты бифуркативно-линейного типа, что характеризуется наличием двух различных терминов для мужских сиблингов породителя и породительницы. Черты линейной СТР, соответственно, проявляются в именовании женских сиблингов родителей, что характеризуется отсутствием их различия по стороне родства. Однако стоит заметить, что здесь уже начался переход к небифуркативной терминологии, в первую очередь через заимствование терминов русской линейной СТР. Для ижорской СТР ордежского диалектного ареала в завершающий период бытования там ижорского языка (середина XX в.) этот процесс достиг последней стадии — бифуркативность в первом восходящем поколении была там полностью утрачена, раздваивающие ПФ термины забылись и были замещены русской нераздваивающей терминологией. В целом наличие бифуркативности в именовании мужских сиблингов родителей и ее отсутствие в именовании женских достаточно характерно для ПФ СТР, где они сохранились в исконном (без недавних заимствований) виде — схожие черты имеет финская и северозэстонская СТР. Известность полного бифуркативно-линейного типа СТР в +1 поколении в южноэстонском диалектном ареале, а также в восточной части северозэстонской диалектной зоны [Koski 1990: 243] может свидетельствовать об общей исконности этого типа для ПФ СТР и характеризовать ижорскую СТР как эволюционирующую от этого исконно типа к полному линейному типу, характерному для современной русской СТР.

Поколение эго

Сиблинги. ТР поколения эго — крайне важная часть СТР, причем не только для целей типологизации, но и для выявления стадий эволюции СР. Г.В. Дзибель считает именование сиблингов в 0 поколении одной из важнейших характеристик изучения СТР, считая сильно дифференцированную модель (наличие 8 наименований для родных сиблингов, отличающихся по критериям пола, относительного пола и относительного возраста, СИБ-8) признаком древнейшей СР (КРОРТ). При этом, по его воззрениям, развитие КРОРТ шло по пути уменьшения дифференциации сиблингов 0 поколения, и степень это-

го снижения говорит о стадиальной дальности изучаемой СТР от протосистемы [Дзибель 2001: 232–240].

Итак, в материалах словаря мы находим два наименования для мужского сиблинга — *vello* и *veiko*, не отличающихся семантически. Большое количество различных по форме наименований для женского сиблинга — *sizoi*, *sizi*, *siar*, *siarut* и пр. — не влияет на дифференциацию семантического поля и означает одно и то же в разных диалектных ареалах. Интересно наличие специального суффикса *-suo*, прибавляемого после имени женщины, для указания на то, что она является женским сиблингом эго. Формально сиблинговую терминологию ижоры мы можем характеризовать как слабодифференцированную (Brother-Sister type, по Дж. Мердоку) или СИБ-2 (по Г.В. Дзибелю [Там же: 232]) Однако обращение к параллелям в других ПФ языках позволяет говорить, что это положение не является для ижорской СТР исконным.

Наименование мужского сиблинга у ижоры этимологически восходит еще к финно-угорской языковой общности (**welje*) и уже тогда имело значение ‘брат, друг’. Но приводимый словарем синоним *veiko*, также хорошо известный в ПФ языках, в финском означает ‘брат, братец’, но в диалектах карельского и вепского языков принимает значение ‘старший брат’. В словаре же вепского языка М.И. Зайцевой и М.И. Муллонен [1972] зафиксировано наиболее интересное значение этого термина — самый старший альтер из трех категорий родственников: ДмР, ДмДРР и СмДжР, т.е. среди мужчин 0 поколения, считая свойственников. Учитывая, что этот термин не выходит за пределы языковой общности, отсутствуя и в саамских языках, его можно понимать и как прошлую дифференциацию хотя бы мужских сиблингов в СТР по относительному возрасту, и как специфическое явление, возникшее уже после разделения ПФ языков и саамских, требующее соотнесения с некими социальными предпосылками к его возникновению.

Наименование для женского сиблинга в ижорских диалектах имеет различные вариации, в целом восходящие к одним и тем же аналогам в других ПФ языках. Сложнее обстоит дело с более глубокими этимологическими связями этого термина: с одной стороны, его считают балтийским заимствованием, сравнивая с литовск. *sesuo* [Larsson 2001: 240] (отметим сходство с упомянутым суффиксом *-suo*); с другой стороны, аналогии имеются и в фин.-угор. языках (морд. *sazor* ‘сестра’, ма-

рийск. *шожар* ‘младшая сестра’, коми-перм. сев. *соч* ‘старшая сестра’ и др.), контакты которых с балтами предположить проблематично, и тут, как правило, источником заимствования называются иранские языки [Плесовский 1960]. Интересно, что в угорских языках значение аналогов ТР значительно отдалается от приведенных, например, манс. *ćićä* ‘бабушка’, хант. (?) *śæži* ‘младшая сестра отца’, ‘младшая сестра отца’, ‘младшая сестра матери’ [Collinder 1977: 128]³. Говоря об ижорских терминах для женских сиблингов *sizi*, *siso*, *siso*, его финский аналог *sisko* Бьерн Коллиндер связывал с возможной эволюцией финского термина *sisar* по аналогии с упомянутым фин. *veiko* при помощи ласкательно-уменьшительного суффикса *-ko*, *-kko*. Действительно, приводимые исследователем как аналоги ливвиков. *ći3oj*, вепс. *ćičkoo* означает ‘старшая сестра’, однако в карельских диалектах (Калевала, Вокнаволок) встречается и противоположное по критерию относительного возраста значение *ćikko* ‘младшая сестра’ [СОС 2007: 289]. В водской СТР также есть термин *sōsō*, означающий +ДжР [Koski 1990: 245]. Все это свидетельствует, что СИБ-2 не является исконным для ПФ СТР и с большой вероятностью не является исконным и для собственно ижорской СТР.

Следуя гипотезе Г.В. Дзибеля о первичности типа СИБ-8 в именовании сиблингов и последующем его разложении с различной скоростью в разных СТР, мы могли бы охарактеризовать СТР ижоры как находящуюся на одной из последних стадий такого разложения, однако хранящей следы более древнего типа СИБ-4 (с учетом критерия относительного возраста).

Запомнив этот вывод, более подробно рассмотрим термины для женских сиблингов эго. Как было сказано, термин для +ДжР широко распространен среди ПФ языков и присутствует в карельском, вепсском и водском. В ижорском и финском сохранились синонимы для женских сиблингов, вероятно, в прошлом разграничивавшие эту категорию родства по критерию относительного возраста. В эстонском, пожалуй, мы также можем найти такой термин; как уже говорилось в разделе о сиблингах родителей эго, термин *sõtse* имеет в диалектах значение ДжРРм, а также ДжР. Этот нетипичный скос в эстонской СТР, заметный на междиалектном уровне, мог вызвать недоумение, однако при подключении водского материала мы увидим явление, хорошо известное в уральском мире. Ведь водское *sōsō* +ДжР (‘старшая сестра родителя’) почти тожде-

ственно по звучанию с эст. *sõitse, sõse*, ДжР = ДжРРм. Если предположить, что эстонский ТР некогда был тождествен водскому семантически и утратил критерий относительного возраста, то гипотетическая формула +ДжР = ДжРРм дает нам описание явления, называемого в антропологии родства «скользящий счет поколений (ССП)».

ССП в общем случае представляет собой слияние в одно «возрастное» поколение младших представителей старшего поколения и старших представителей младшего поколения, например тюрк. ага +ДмР = –ДмРРм. По мнению Г.В. Дзибеля, первооткрывателем этого явления стал все тот же Морган, обнаруживший ССП на примере финно-угорских СТР. М.А. Членов обозначает ССП «сибирским генерационным типом», и как отмечает Г.В. Дзибель, это вполне оправдано в связи территориальной обособленностью и языковой детерминированностью этого явления [Дзибель 2001: 62–63]. Придающий большое значение ССП как эволюционному показателю СТР, Г.В. Дзибель после обобщения всех данных предположил, что для финно-угорских СТР такое явление изначально было несвойственно, а удмурты, марийцы и мордва заимствовали его из СТР тюрков в болгарский период, в подтверждение чего приводил факт отсутствия ССП у прибалтийских финнов [Там же: 217–218]. Обнаружение нами черт, возможно, некогда утраченного в ПФ СТР явления ССП может отодвинуть время возникновения ССП в финно-угорских СТР как минимум на стадию финно-угорской общности. Впрочем, эта проблема заслуживает отдельного исследования с более широким привлечением сравнительного материала, чем позволяет наша работа.

Кузены. В нашем основном источнике зафиксирован всего один термин для кузенов, не различающий их ни по полу, ни по стороне родства, — *seukko*, причем примеры словоупотребления приводятся исключительно для сойкинского диалектного ареала [Nirvi 1971: 520]. Лишь анализ примеров словоупотребления в других словарных статьях позволяет выявить кумулятивные синонимы, например *tädäm poiga* ‘ДДжРР, сын тѐти’. Для Д³Р³ элементарных терминов в словаре не находится во все, но в примерах словоупотребления встречается кумулятивный *toise polve seukot*. Начнем с рассмотрения единственного словарного термина.

ТР *seukku* находит свои аналогии в финском и карельском языках с тем же значением: *serkku* и *selkku* (*seukku*) соответ-

ственно. При этом термин неизвестен в других ПФ языках, а также в саамских. Распространение его в столь узком кругу идиом позволяют использовать этот ТР как этнокультурный маркер, позволяющий проследить связи между этническими общностями и точнее очертить границы контактных зон. Например, Р.Э. Нирви в своей работе, полностью посвященной слову “*Serkku*”, приводит возможную этимологию из германских языков < др.-герм. *seban* ‘родственник’ [Nirvi 1950: 118], что помогает сделать определенные выводы об общности исторической судьбы ижор, карел и финнов на определенном этапе их истории. Помимо основного значения, известно и обозначение им других категорий альтеров. В восточнофинском диалекте Карельского перешейка термин имел значение ‘хороший друг’, в различных карельских диалектах, кроме того, обозначал Д³Р³, Д³Р², ДжДР². Интересно, что в карельском есть отдельный термин именно для двоюродных или троюродных сестёр — *sevoitar*, возможно, имеющий схожую с ТР *seukku* этимологию или производный от ТР ДмРРм (ср. фин. *setä*).

Говоря о других ТР для кузенов в ПФ языках, стоит заметить, что они имеют кумулятивный (эстонский), заимствованный (карельский, вепский) либо смешанный, кумулятивно-заимствованный, характер (например, вепс. *dvurodnij vell*). В ливском языке в словаре А.И. Шегрена обозначения кузенов отсутствуют, что коррелирует с полевыми данными по вепсам, зафиксировавшими у некоторых информантов отсутствие самого понятия подобной категории родства [Новожилов и др. 2005: 280]. Можно предположить, что это явление связано с определенной стадией разложения исконной для языка СТР, когда ТР для коннектора (сиблинга родителя) либо сменился иноязычным заимствованием, либо приобрел кумулятивный характер. В этом случае образование кумулятивных ТР встречается определенные трудности или из-за необходимости соединения иноязычных и исконных ТР (в первом случае), или составления наименований альтеров с включением в него более одного коннектора (во втором случае).

Кумулятивная терминология родства

Большая роль кумулятивного способа образования ТР в ижорской СТР (и в ПФ СТР вообще) требует более пристального рассмотрения этого явления. Проведем небольшой обзор его изучения за последние 150 лет.

Приоритет открытия кумулятивной СТР так же, как и многих других упомянутых явлений родства, принадлежит Л.Г. Моргану, и именно на примере одного из финно-угорских языков — эстонского (скорее всего, лишь одного из диалектов). Корреспондент Моргана, американский консул в Ревеле, сообщал: «Изучив прилагаемые таблицы, вы заметите, что эстонцы не имеют коротких (подобно нашим) обозначений для важнейших родственных связей. Например, вместо именованного брата отца дядей эстонец говорит брат моего отца, вместо именованной сестры отца тётей говорит сестра моего отца... Подобным же образом вместо именованной жены своего сына невесткой, он говорит *mini poeg naine*, что означает ‘жена моего сына’; так же и с другими терминами родства» [Morgan 1871: 62–63]. Однако в целом кумулятивная ТР редко попадала в сферу внимания ранних исследователей родства, т.к. редко встречалась при именовании альтеров +1 поколения, находившегося тогда в центре научного интереса.

Большее значение исследование данного феномена приобрело после включения в сферу исследовательского рассмотрения ТР 0 поколения: Дж. Мердок отметил географическое распространение этой модели (исламский мир и Гвинейское побережье Африки), причем установил, что для Африки ей соответствуют патрилинейные сегментарные линиджи и отсутствие или слабое развитие экзогамии. Г. Доул называла такой тип «линиджным», вывела его ассоциированность со следующими явлениями: 1) унилинейность; 2) частная собственность; 3) стратифицированность; 4) ортокузенный брак; 5) возведение к реальному предку; 6) культ предков; 7) земледелие; 8) доместикация и 9) мусульманство; причем с первыми пятью корреляция составила почти 100 %. Ее итоговый вывод заключался в том, что кумулятивная ТР (КТР) обязана своим образованием сочетанию индивидуального наследования собственности, унилинейности и идеологическому обоснованию последней в виде культа предков. Д.А. Ольдерогге относил время появления КТР к стадии индивидуальной семьи (а не стадияльно более ранней большой патриархальной семьи).

Г.В. Дзибель придавал большое значение КТР как стадияльному явлению, комплементарному ССП. Комплементарность здесь заключается в том, что они, как правило не соседствуют в рамках одной СТР, но, встречаясь в рамках единого региона, определенным образом конкурируют. Исследователь предполагает, что в Евразии граница между ССП и КТР некогда про-

ходила по Уральскому хребту и лишь миграция тюркоязычных народов разделила некогда единый восточноевропейский ареал КТР. Г.В. Дзигель вслед за Г. Доул предполагает вторичность КТР по отношению к модели кроу-омаха (МКО) и приводит часто фиксируемые случаи перехода от второго типа терминологии к первому. Также он делает вывод, что КТР — более древнее явление, нежели ССП, т.к. в зоне действия первого уход от МКО повсеместно почти завершился, тогда как ССП довольно часто сосуществует с МКО. При этом наблюдается крайне слабая представленность в зонах КТР и ССП взаимной терминологии [Дзигель 2001: 227–229].

Кумулятивная терминология у ижор

Г.В. Дзигель, считавший необходимым классификацию кумулятивных терминологий по степени выраженности этой модели, относил северо-запад Восточной Европы, т.е. ареал обитания ПФ народов, к зоне распространения суперкумулятивности наряду с Северной Африкой (афразийские народы) и Кавказом (северокавказские и картвельские народы). Суперкумулятивность, но мнению исследователя, выражается в этих регионах в существовании некумулятивных терминов только для родителей, детей и сиблингов [Там же: 226]. Как мы видим на примере СТР ижоры и других ПФ СТР, это представление несколько преувеличено и некумулятивные термины покрывают довольно значительное число классов родства. Но, как уже было сказано, несколько классов ТР скорее всего существуют только или преимущественно в кумулятивной терминологии, это относится к обозначению ниблингов, кузенов и троюродных сиблингов, альтеров +3 поколения. Также наличие русского заимствования *vuikka* для обозначение внуков (Д³) без различения пола свидетельствует, вероятно, об изначальной кумулятивности этой терминологической позиции у ижоры (так же как у финнов и эстонцев). Более подробное рассмотрение феномена КТР у ижоры будет возможно лишь при изучении ижорских текстов (фольклорных и бытовых), пока же заметим, что гипотетическая область ее распространения находится лишь в зоне кровного родства, в то время как подсистема свойства как будто не фиксирует кумулятивности или во всяком случае имеет для всех терминологических позиций элементарные обозначения.

Ключевым вопросом в дальнейшем изучении этого феномена могло бы стать выяснение причин, по которым такая терми-

нология возникает. Например, по мнению Р. Дибольда, которое он основывал на материале СТР народа хуаве (Мексика), «каким-то образом отражает меньшую социальную близость между родственниками и прагматически меньшее значение родственников, называемых описательными терминами» [Diebold 1966: 70]. Со своей стороны заметим, что подмеченная смена МКО кумулятивной терминологией может говорить о КТР как о первичном способе конструирования ТР в случае, если аналоги терминов неизвестны или утратили свою актуальность. Скажем, если МКО была сопоставлена с определенной социальной организацией, то при ее отмирании термины, обозначающие определенные позиции СР, стали восприниматься пережитком, что привело к образованию иных терминов при помощи кумулятивного принципа.

То же, вероятно, должно было происходить и при отходе от взаимной терминологии. Например, мы видим, что наименования для P^2 в ПФ языках часто имеют элементарную природу (*äijä* и *ämmä* у ижоры, *ukko* и *akka* у финнов), в то время как для D^2 такого нигде не встречается — это всегда КТР, если не недавнее заимствование. Но в категорически отличающейся СТР саамов мы находим, что РмР айй (*äij*; *ag'gja*), лексема, известная в ПФ языках, но ДДЭм имеет элементарный реципрокный термин айев (*äijev*; *ag'gjet*), что для ПФ СТР совершенно не характерно. Конечно, данное сопоставление требует уточнений и проверок, но если считать реципрокность архаичной чертой саамских СТР, ранее свойственной всем ПФ СТР, то вполне закономерно, в свете нашей гипотезы, что на месте реципрокного термина для D^2 возникает КТР. Впрочем, еще раз оговоримся, что это тема для отдельного исследования, требующего привлечения дополнительных материалов.

Подсистема свойства

Подсистема свойства в СТР ижоры хорошо развита и представлена образцами лексики почти из всех диалектных ареалов.

Породители супруга (РжС и РмС)

Интересный комплекс образуют наименования родителей супругов, которые обозначаются также как породители породителей эго (P^2). Начнем рассмотрение данных ТР *ämmä* и *äijä* с этимологии и параллелей в других ПФ языках.

Термин *ämmä* встречается лишь в некоторых ПФ языках, кроме ижорского, — в карельском, эстонском, финском. В большинстве диалектов эстонского *ämm* является синонимом КТР *vanaema* = РжР ‘бабушка’, такое же значение он имеет в карельском и финском. В связи с недавним временем возникновения ТР его этимология довольно прозрачна и означает ‘старшая’. Эстонская лексема *äi* = РмР ‘дедушка’ также распространена во всем языковом ареале, за некоторым исключением. Появление термина восходит к финно-пермской общности, когда, согласно UEW, в форме **äje* он имел значение ‘*groß; Vater*’, т.е. ‘большой; отец’. В значении породитель и породительница супруга (РмС и РжС), кроме ижорской СТР, встречается только в водской (*äddä* и *ämmä*), причем значения РмР и РжР они не имеют [Чернявский 2005: 111], но эти данные требуют дополнительной проверки.

Отметим, что в финском языке термин *ämmä* — прерогатива говоров Карельского перешейка, причем в основном его восточной части. Термин *äijä* встречается там же, но более широко, помимо центра и востока Карельского перешейка, также на юге и южном берегу Финского залива, от Ковашского п-ва до устья Невы, т.е. в зоне проживания финской этнической группы эврейсет (в зоне расселения другой группы ингерманландских финнов — савакот — слово не зафиксировано) [Suomen murteiden sanakirja]. Из этого можно сделать вывод, что принадлежность лексем к финскому языку — условность, вызванная финнизацией некогда карельского населения западной части Карельского перешейка.

Таким образом, мы видим, что ситуация с обозначением альтеров разных поколений одним ТР уникальна для ПФ СТР и потому требует более подробного рассмотрения.

Скос в подсистеме свойства

Одним из сюжетов, издавна привлекающих исследователей в области антропологии родства, являются модели кроу и омаха (МКО), характеризующиеся межпоколенным «скашиванием», т.е. слиянием в одну категорию альтеров нисходящих и восходящих поколений. В классическом виде МКО представлялась как отнесение кросскузенов и их потомков к смежным поколениям, восходящим или нисходящим, и обозначение их ТР для этих поколений, что и называется поколенным скосом. Модель омаха (МО) от модели кроу (МК) отличаются направ-

лением скоса — в первой системе матрилатеральные кросскузены и их потомки относятся к восходящим поколениям, а патрилатеральные — к нисходящим, во второй — наоборот. Такое представление основывается на чрезвычайном распространении именно таких форм генерационного скоса, составляющих большинство из известных 165 СТР с МО и 79 СТР с МК (данные Дж. Мердока, дополненные Г.В. Дзибелем [2001: 203]). Однако в более широком смысле поколенный скос может касаться не только кросскузенов и, более того, не соотносится с филиацией общества, т.е. одна и та же СТР может сочетать в себе как черты патрилатерального поколенного скоса, так и матрилатерального. Г.В. Дзибель предлагает системы, имеющие последнюю характеристику, именовать «модель помо» (МП), заимствуя термин у У. Шапино [Там же: 208], хотя стоит отметить, что последний предлагал использовать этот термин для обобщенного именованья систем с матри- или патрилатеральным скосом (МК + МО) [Попов 1977: 46], а не для систем, сочетающих черты МК и МО одновременно.

Выходы межпоколенного скоса за пределы ТР для +2 поколения, разнополых sibлигов родителей, кросскузенов и ниблингов достаточно редки, но все-таки фиксируются на этнографическом материале. Особенно нас интересует наличие поколенного скоса в подсистеме свойства: подобные случаи были собраны Г.В. Дзибелем: на о. Нгуна (Вануату) отождествляются альтеры +2 поколения с родителями супругов, то же встречается и у северных шошонов (в обоих случаях родитель супруга обозначается так же, как родитель породителя эго) [Дзибель 2001: 203]. Здесь же можно привести данные из болгарской ТР: в ряде районов наименование для РжСж ('тёщи') повторяет общеполгарский термин для РжР ('бабушки'): баба [Китанова 2009: 282].

Схожий, хотя не вполне ясный случай фиксируется в эвенкийской СТР. В словарных записях Я.И. Линдендау по одному из восточных диалектов эвенкийского языка присутствует слово *atki* со значением 'бабка', хотя в современных словарях данный иденоним (атки) выступает в значении 'тёща, свекровь' [Бурыкин, Булатова 1999: 276]. Возможно, здесь мы имеем дело с проявлением поколенного скоса в подсистеме свойства на междиалектном уровне, т.е. разные значения для одного и того же термина сохранились в разных диалектах, но изначально (до разделения диалектов) термин включал оба значе-

ния, т.е. атки означало РжР = РжС. Неясность этому случаю придает общая неполнота и многочисленные ошибки записей Я.И. Линдендау, что может характеризовать упомянутое у него нетипичное значение для ТР как неточность записи.

Впрочем, независимо от достоверности случая восточно-эвенкийской СТР, мы можем все же уверенно говорить, что случай отождествления в СТР ижоры прямого мужского родственника +2 поколения с породителем супруга, а прямого женского родственника +2 поколения — с породительницей супруга — не единичный, но все-таки чрезвычайно редкий прецедент образования поколенного скоса, затрагивающего подсистему свойства. При этом, т.к. в ижорской СТР породители супругов не различаются в зависимости от пола супруга, так же как и альтеры +2 поколения не различаются по стороне родства, мы можем охарактеризовать данный вид поколенного скоса как модель помо (МП).

Чтобы выяснить причины, вызвавшие формирование подобного комплекса, необходимо отдельное подробное исследование, однако предварительно приведем гипотезу Р. Бласта, которую упоминает в своей работе С.В. Кулланда, чтобы объяснить отождествление в некоторых СТР РмРм и ДмРРж (породителя породителя и сиблинга породительницы). По его мнению, между патрилатеральной и матрилилатеральной группами (т.е. группой, «принимающей жен», и группой, «жен дающей») устанавливаются отношения типа потлача, т.е. «одаренная группа» становится зависимой от «одарившей». В такого рода отношениях, как зафиксировано этнографическими примерами, «дающая» группа считается старшей, а значит, при обращении к сиблингу породительницы эго будет применять термин на одно поколение старше, т.е. РР (дед) [Кулланда 1998: 69]. Для нашего случая это означает, что для породителей супруги, являющихся членами одного поколения с его собственными породителями, он будет применять термины старшего поколения, употребляемые для наименования породителей его собственных породителей.

Другим, более простым объяснением могла бы быть простая аналогия с вокативной подсистемой родства, где достаточно распространена ситуация, когда эго именуется альтера так же, как именовал бы ребенок эго, т.е. (для русской СТР) свою породительницу или породительницу супруга — ‘бабушка’, супруга — ‘отец’ и т.п. Однако здесь встает вопрос о возможности распространения законов вокативной подсистемы на референтивную.

Заканчивая тему поколенного скоса в подсистеме свойства, скажем, что в рассматриваемой ситуации ижорской СТР нетипично не только наименование одним термином альтеров разных поколений, но и использование ТР кровного для обозначения свойственников. Везде, кроме СТР ижоры, для обозначения породителей супруги имеются собственные термины (например, финск. *appi* ‘РЖС’ и *anoppi* ‘РМС’), причем восходящие еще к протоуральским ТР **jppi* и **jna-*, реконструированным П. Саммаллахти [Sammallahti 1988] с тем же значением ‘РМС’ и ‘РЖС’ соответственно. UEW дает несколько другие реконструируемые уральские формы, однако здесь примечателен сам факт наличия общеуральских терминов, неизвестных в ижорском. Такая необычная ситуация, очевидно, сложилась в результате наличия в относительно недавнем прошлом весьма специфических условий в области семейно-брачных отношений либо под влиянием иной, возможно субстратной, традиции.

Термины свойства 0 и –1 поколения

Другой весьма интересной частью подсистемы свойства являются термины для альтеров 0 и –1 поколений. Интересны они в первую очередь значительной древностью большинства наименований, восходящих ко времени уральской (а по некоторым данным, и ностратической) общности и практически не поменявших с тех пор своего семантического значения.

Как мы видим из табл. 2, из семи элементарных терминов свойства только два не имеют уральской этимологии, и их возникновение относится к более позднему периоду. Из них ТР *svojakka* — прозрачное русское заимствование < *свояк, nälä* — хорошо известный в ПФ языках ТР, в финской и карельской СТР имеющий аналогичную с ижорским ТР семантику. Лишь в эстонской СТР ТР *nääl* имеет значение ‘*naiseõde*’ (‘ДжРСж, сестра жены’), в то время как общеПФ значение имеет производный термин *näälmees* ‘*naisevend*’ (‘ДмРСж, брат жены’) [VM 1989].

На эту группу из 5 терминов (правда, считая ее происхождение финно-угорским, а не уральским) обращал внимание Э. Вяари, считая ее свидетельством моногамии у носителей финно-угорского праязыка: «Словарный состав периода финно-угорского единства также отражает господствовавшую в то время форму брака, причем о моногамии свидетельствуют такие ТР, как *väi* — зять, *minia* — невестка, *küdi* — деверь, *käli* — золовка, *nadu* — свояченица» [Vääri 1956: 159]. Выводы исследователя

были сделаны в русле приверженности популярной в то время в западной антропологии патриархальной теории и основывались на материалах далеко не всех финно-угорских идиом, а потому не могут сейчас приниматься без значительной критики. В рамках нашей работы мы не ставим задачи по реконструкции уральской СТР, однако не подлежит сомнению, что такое большое количество сохранившихся древних терминов в рамках ограниченного пласта ТР требует специального объяснения, которое, в свою очередь, может иметь большое значение для реконструкций древних социальных структур уральских народов. Вероятно, в первую очередь в рамках такого исследования потребуются пересмотр реконструированной семантики уральских терминов, т.к. при переводе терминов исходного языка на язык исследователя часто на восстанавливаемое значение оказывает решающее влияние СР и СТР общества, в котором живет исследователь [Попов 1998: 138]. Например, существует мнение, что многие ПИЕ слова, значение которых реконструируется как индивидуальный термин кровного родства, с большей вероятностью имели семантику «член половозрастного группирования», являясь не иденонимами (ТР), а, как обозначил эту группу терминов В.А. Попов, соционимами [Кулланда 1998: 68].

Прежде чем мы перейдем к следующему разделу, остановимся на термине для СМДж = СМДжР *lankoin* ‘зять’, которое, по данным словаря Нирви, известно только из записей фольклорных произведений. Из табл. 1 мы видим, что корень *lank(g)*-используется для обозначения родственников зятя, а также при обращении родителей супругов между собой. В финской СТР он употребляется гораздо более широко — для построения ТР сразу нескольких категорий свойственников и дальних родственников. Согласно словарю древних германских заимствований в ПФ языках, этот корень восходит к др.-герм., где *galanga-z* обозначало родственника [Lexikon 1996: 167]. При этом стоит заметить, что, несмотря на заимствованный характер термина, сохранение в ПФ языках также заимствованного из древнегерманского слова для обозначения нитки, пряжи, проволоки (ср. финск. *lanka*) позволяет оставаться слову этимологически прозрачным для носителей ПФ языков или по крайней мере иметь понятную «народную» этимологию. Наличие следов прежнего распространения этого корня в ижорском языке имеет определенное значение для восстановления генетических связей ПФ языков между собой и их этнической истории.

Термины свойства 0 и +1 поколений

Код	Наименование	Ижорский	В языке источнике (уральский, если не указано иное, реконструкция)	Уральское значение	Источник
СмДжР	Муж сестры (зять)	vävü r: lankoin	wäŋe	Schwieger- sohn;	UEW: 565
СДм	Муж дочери (зять)	vävü kotivävü		Bräutigam (зять, жених)	
СДж	Жена сына (невестка)	minja minni	miñä	daughter-in- law, young woman (невестка, молодая женщина)	The Tower
ДмРСм	Брат мужа (деверь)	küdü kütü	kiðV	brother-in-law, Schwager (брат жены или мужа)	The Tower
ДмРСж	Брат жены (шурин)	nälä nälämez küdü			
СмДжРСж	Муж сестры жены (свояк)	svojakka svojoï			
СжДмР	Жена брата (невестка)	minni kälü	kälz	Schwägerin (невестка)	UEW: 135–136
ДжРСм, ДжРСж	Сестра мужа (золовка), сестра жены (свояченица)	nado	natV	younger sister of husband or wife, sister-in-law; younger brother of husband or wife, brother-in-law (младший сиблинг супруга)	The Tower

Заключение

Рассмотрение ижорской СТР показало, что в общих чертах она схожа с СТР соседних ПФ народов, а особенно — с карельской, финской и, возможно, водской (обилие КТР и общие термины, восходящие к ПФ, финно-волжской, финно-угорской или уральской общности). Типологически (по В.А. Попову) она определяется как совмещающая черты бифуркативно-линейных СТР (при наименовании мужских сиблингов породителей) и линейной (при наименовании женских). Точная характеристика другой важной категории альтеров — сиблингов и кузенов — не представляется возможной из-за неинформативности принятого нами источника (игнорирование КТР). Сиблинговая номенклатура характеризуется как слабодифференцированная (по Дж. Мердоку) или СИБ-2 (по Г.В. Дзибелю). При этом выявлены рудименты более дифференцированной сиблинговой номенклатуры с подключением критерия относительного возраста. На эстонском материале обнаружены следы явления ССП, который ранее был известен по СТР поволжских финно-угорских народов и считался заимствованным из тюркских СТР этого региона. Обнаружение у прибалто-финнов ранее бытовавшего ССП может свидетельствовать об исконности для уральских СТР этого признака, но более быстрое его разложение в ПФ языках. На материале ижорской СТР прослеживается целый пласт уральской лексики в рамках терминов подсистемы свойства 0 и –1 поколений, хотя в других подсистемах такого количества архаических терминов не обнаружено. В то же время в ней встречаются явления, которые уникальны для ПФ СТР: это термины *ämmä* 'РжС = РжР' и *äijä* 'РмС = РмР', которые одновременно обозначают не только альтеров из разных подсистем родства и свойства, но и из разных поколений. Данный поколенный скос определен нами как МП (по Г.В. Дзибелю), т.е. затрагивающий как матрилатеральных альтеров, так и патрилатеральных.

Результаты нашей работы по описанию СТР ижоры наметили два направления развития затрагиваемой тематики. Первое — дальнейшее изучение собственно СТР ижоры путем расширения источниковой базы за счет записей спонтанных текстов, фольклорных материалов, исследования ее функционирования в различных срезях культуры, описания эволюции СТР. Богатый материал по ТР в устном народном творчестве может предоставить фундаментальное издание фольклорных

текстов [SKVR], три тома которого посвящены материалу, собранному в Ингерманландии. Этот источник имеет особое значение в этноисторических изысканиях, т.к. исследования А.-Л. Сиикала показали, что Калевальские руны содержат описания достаточно архаических черт родственных отношений [Siikala 2000: 157]. Ранее ТР в карельском фольклоре анализировал В.Я. Евсеев, находя в свадебных песнях и эпических рунах следы древних форм брака [Евсеев 1957], правда, этой формой был ныне не признаваемый историческим так называемый групповой брак. Небезынтересным может оказаться и использование данных о родственных отношениях у ижоры для реконструкции ее социальных структур и хозяйственных занятий на ранних этапах этнической истории.

Классическая тема соотношения СТР и социальных институтов этнической общности может быть развита путем сопоставления со средневековыми письменными источниками. Проанализировав писцовую книгу Водской пятины 1500 г., А.Г. Новожилов в серии работ [2003а; 2003б; 2004] определил качественный и количественный состав семьи, а также предположительный этнический состав населения на различных территориях Водской пятины, что позволяет выявить корреляцию СР и семейной организации в ареале проживания ижоры на рубеже XV–XVI вв.

Второе направление касается сравнительного изучения СТР ПФ народов, или более широко — финно-угорских, уральских народов, при котором могут быть поставлены те же вопросы, которые мы перечислили, описывая первое направление. Как было сказано, многие ТР, реконструируемые для уральской общности, уходят корнями более глубоко — в общность ностратическую, что позволит проследить древние межкультурные связи между крупнейшими языковыми семьями Евразии. При выборе любого направления исследования интересным представляется более глубокое рассмотрение специфических явлений ижорской (поколенный скос в подсистеме свойства), ПФ (большое значение кумулятивного способа образования ТР) и финно-угорских (ССП) СТР. При сравнительном рассмотрении финно-угорских СТР наиболее информативным может стать анализ саамских СТР, которые содержат противоречивые черты: наличие многих ТР ПФ языков, но в то же время значительные системные отличия от ПФ СТР: распространенность критерия относительного возраста, наличие реципрокной тер-

минологии, развитой бифуркации. Сложность этногенеза и этнической истории саамов, обусловленная наличием в их языке до 1/3 не связанной с уральскими языками лексики, а также лексикой, имеющей параллели в самодийских языках (но не в финно-угорских) [Керт 2009: 63, 64], может быть вскрыта в том числе через СТР, и наоборот — через явления саамской СТР могут быть уточнены этапы эволюции уральских СТР.

¹ Здесь мы пользуемся термином Г.В. Дзибеля, определившим его как «обозначение родственников, при котором каждая генеалогическая позиция имеет индивидуальное терминологическое оформление, представляющее собой комбинацию нескольких терминов, обозначающих ближайших родственников (например, “брат отца”, “сын сестры матери” и т.п.)» [Дзибель 2001: 64].

² Подробнее описание кодовых обозначений см.: [Левин 1970: 18, 19].

³ У Коллиндера приведенный термин *šæži* определяется как принадлежащий северному диалекту языка “Ostyak”.

Андрианова 2000 — *Андрианова Е.М.* Терминология родства в финно-угорских языках волжской и пермской групп: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2000.

Бурыкин, Булатова 1999 — *Бурыкин А.А., Булатова Н.Я.* Система терминов родства эвенков (предварительные материалы к описанию) // АР-3.

Вавра 1970 — *Вавра К.И.* Терминология родства венгерского и мансийского языков: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1970.

Вяри 1953 — *Вяри Э.* Терминология родства в прибалтийско-финских языках: автореф. дис. канд. филол. наук. Тарту, 1953.

Гришунина 2002 — *Гришунина В.П.* Термины родства и свойства в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2002.

Дзибель 2001 — *Дзибель Г.В.* Феномен родства. Прологомены к иденетической теории (АР-6). СПб., 2001.

Добронравин 1998 — *Добронравин Н.А.* Термины родства, имена родства и компаративистика // АР-2.

Евсеев 1957 — *Евсеев В.Я.* Исторические основы карело-финского эпоса. М.; Л., 1957.

Зайцева 1975 — *Зайцева М.И.* Термины родства в вепском языке // *Fenno-Ugristica*. Труды по финно-угроведению / Уч. зап. ТГУ. 1975. Вып. 344. С. 296–305.

Зайцева, Муллонен 1972 — *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепского языка. М., 1972.

Керт 2009 — *Керт Г.М.* Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, 2009.

Китанова 2009 — *Китанова М.* Материалы к словарю болгарских терминов родства // Категория родства в языке и культуре. М., 2009.

Киуру 1975 — *Киуру Э.* Отражение матрилинейного счета родства в ижорских причитаниях // СЭ. 1975. № 4.

Конкка 1992 — *Конкка У.С.* Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992.

Кулланда 1998 — *Кулланда С.В.* Система терминов родства и языковые конструкции // АР-2.

Левин 1970 — *Левин Ю.И.* Об описании системы терминов родства // СЭ. 1970. № 4.

Маркелов 1928 — *Маркелов М.В.* Система родства у угро-финских народностей // Э. 1928. № 1.

Никольская 1980 — *Никольская Р.Ф.* Система родства у карел // SIFU 4. Pars II. Budapest, 1980. S. 117–121.

Новожилов 2003а — *Новожилов А.Г.* Количественные характеристики семейной структуры двора северо-запада Новгородской земли на рубеже XV–XVI вв. // Горизонты культуры. СПб., 2003. С. 160–167.

Новожилов 2003б — *Новожилов А.Г.* Родовые поселения в междуречье Волхова и Наровы XV–XVI вв. // Университетские Петербургские чтения. 300 лет Северной столице. СПб., 2003. С. 461–471.

Новожилов 2004 — *Новожилов А.Г.* Качественные характеристики двора северо-западных земель Водской пятины Новгородской земли рубежа XV–XVI вв. // Археология, история, нумизматика Восточной Европы: сб. ст. памяти проф. И.В. Дубова. СПб., 2004. С. 344–351.

Новожилов и др. 2005 — *Новожилов А.Г., Бурькин А.А., Мызников С.А., Попов В.А.* Терминология родства и свойства прибалтийско-финских народов России // АР-9.

Плесовский 1960 — *Плесовский Ф.В.* К вопросу о развитии семьи у коми и удмуртов (по терминам родства) // Ист.-филол. сб. АН СССР, Коми филиал. Сыктывкар, 1960. Вып. 6.

Попов 1977 — *Попов В.А.* К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха // СЭ. 1977. № 2.

Попов 1998 — *Попов В.А.* Номенклатура родства и система терминов родства: соотношение лингвистического и этнографического // АР-2.

Попов 2011 — *Попов В.А.* Kinship studies, или антропология родства: объекты, предметы и методы изучения // Антропологический форум. 2011. № 15.

Сидоров 1952 — *Сидоров А.С.* Термины родства у коми // Лингвистический сборник. Сыктывкар, 1952. Вып. 2.

СОС 2007 — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Петрозаводск, 2007.

Степанова 1985 — *Степанова А.С.* Метафорический мир карельских причитаний. Л., 1985.

Тепляшина 1969 — *Тепляшина Т.И.* Термины родства у удмуртов, проживающих в Башкирии // СФУ. 1969. Т. 5. № 2.

Тепляшина 1977 — *Тепляшина Т.И.* Термины родства в современных словарях удмуртского языка // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977.

Чернявский 2005 — *Чернявский В.* Водский язык (самоучитель). СПб., 2005.

Чистов 1960 — *Чистов К.В.* Русская причеть // Причитания. Л., 1960.

Чистов 2005 — *Чистов К.В.* Причитания у славянских и прибалтийско-финских народов // Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005.

Ahlqvist 1875 — *Ahlqvist A.* Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der Älteren Kulturgeschichte der Finnen. Helsingfors, 1875.

Collinder 1977 — *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary: an Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Hamburg, 1977.

Diebold 1966 — *Diebold A.R.* The reflection of coresidence in Mareño kinship terminology // Ethnology. 1966. Vol. 5, №1.

Gulya 1983 — *Gulya J.* Survival-Erscheinung in der Verwandtschaftstermini der uralischen Völker // Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden. Bd. 3. 1983.

Harva 1938 — *Harva U.* Suomensukuisten kansain sukulaisnimistön rakenne (Zusammenfassung: Die Struktur der finnisch-ugrischen Verwandtschaftsterminologie). 1938.

Harva 1947 — *Harva U.* The Finno-Ugric System of Relationship // Transactions of the Westermarck Society. 1947. Vol. 1.

Junttila 2011 — *Junttila S.* A collection of forgotten etymologies: revisiting the most improbable baltic loanwords in finnic // Language Contact in Times of Globalization. Amsterdam; N.Y., 2011.

Koski 1990 — *Koski M.* The terms uncle and aunt in their semantic field // Linguistica Uralica. 1990. Vol. 26, № 4.

Larsson 2001 — *Larsson L.-G.* Baltic influence of on Finnic languages // Circum-Baltic Languages. Amsterdam; Philadelphia, 2001. Vol. I.

Lexikon 1996 — Lexikon der älteren germanischen Lehnwörter in den ostseefinnischen Sprachen. II. Amsterdam; Atlanta; 1996.

Mallat 2007 — *Mallat K.* Naiset rajalla: Kyöpeli, Nainen, Naara(s), Neitsyt, Morsian, Akka ja Ämmä Suomen paikannimissä. Helsinki, 2007.

Morgan 1871 — *Morgan L.H.* Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family / Smithsonian Contributions to Knowledge. Vol. 17. 1871.

Nirvi 1950 — *Nirvi R.E.* Serkku // Kalevalaseuran vuosikirja. Otava, 1950. Vol. 30.

Nirvi 1952 — *Nirvi R.E.* Synonyymitukimuksia sukulaisnimistön alalta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1952.

Nirvi 1956 — *Nirvi R.E.* Sanoja ja käyttäytymistä: sanahistoriallisia tutkimuksia I. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1956.

Nirvi 1964 — *Nirvi R.E.* Sanoja ja käyttäytymistä: sanahistoriallisia tutkimuksia II. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1964.

Nirvi 1971 — *Nirvi R.E.* Inkeröismurteiden sanakirja. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1971.

Porkka 1885 — *Porkka V.* Ueber den ingrischen Dialekt : mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.

Raun 1982 — *Raun A.* Eesti keele etimoloogiline teatmik. Maarjamaa, 1982.

Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical Phonology of the Uralic Languages. Leiden, 1988.

Siikala 2000 — *Siikala A.L.* Väinämöinen: Political Leadership and Mythic Thinking // Ethnography is a Heavy Rite. Studies of Comparative Religion in Honor of Juha Pentikäinen / Religionsvetenskapliga skrifter 47. Åbo: Åbo Akademi, 2000.

Sjogren 1861 — *Sjogren J.A.* Livisch-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch / Gessamelte Schriften. SPb., 1861. B. II, Theil II.

SKVR — Suomen Kansan Vanhat Runot. o. III, IV, V. Helsinki Suomen Kansan Vanhat Runot. o. III, IV, V. Helsinki, 1915–1931.

UEW — Uralisches etymologisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1988–1991. T. 1–3.

Vääri 1956 — *Vääri E.* Soomeugriline sonavara eesti sugulasnimides // Emakeele seltsi aastaramat. Tallinn, 1956. II.

Интернет-ресурсы

Karjalan kielen sanakirja/ Kotimaisten kielten keskus. URL: http://kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi.

Kinship Studies. URL: <http://kinshipstudies.org/kinship-studies/database/>.

Suomen murteiden sanakirja / Kotimaisten kielten keskus. URL: <http://kaino.kotus.fi/sms/>.

The Tower of Babel. An International Etymological Database Project. URL: <http://starling.rinet.ru/babel.php?lan=ru>.

The Älgu Project (the Origins of the Saami Language Words — Sámegeielaid sániid älgovuolggá). URL: [url: http://kaino.kotus.fi/älgu/](http://kaino.kotus.fi/älgu/).

VM — Väike murdesõnastik. Tallin: Valgus, 1989. URL: <http://www.eki.ee/dict/vms/index.html.en>.